

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ

УДК 343.9:328.185:343.35:343.988
URL: <http://hdl.handle.net/11435/2224>

Иванова А. А.
С. 253–260.

А. А. ИВАНОВА,

кандидат юридических наук, доцент

*Национальный исследовательский университет – Высшая школа экономики,
г. Нижний Новгород, Россия*

ВИКТИМОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ КОРРУПЦИОННОЙ СДЕЛКИ

Цель: представить авторскую концепцию виктимологического аспекта коррупционной преступности.

Методы: диалектический метод познания с преимущественным системным подходом (анализом).

Результаты: в статье рассмотрено понятие коррупционной сделки как противоправного деяния, законодательно закрепленного правонарушения (взятничества и подкупа), злоупотребления правом со стороны управомоченного субъекта. Определены противоправный (наиболее распространенный) и манипулятивный виды коррупционной сделки и их механизмы, или способы ее реализации, к которым отнесены обоюдная, двусторонняя сделка, вымогательство взятки и инициативный, активный подкуп. Подтверждено разноплановое негативное воздействие коррупции на правоотношения. Показана опасность криминогенной сделки как фактора, формирующего коррупционное поведение, и активного средства образования коррупционных сетей, что усиливает виктимогенность коррупционных деяний, от которых претерпевают ущерб не только физические, но и юридические лица. В соответствии с этим подерживается и аргументируется точка зрения о необходимости распространения понятия жертвы коррупционного преступления на юридических лиц. Сделан вывод о целесообразности юридической оценки коррупционной сделки как квалифицирующего признака уголовно наказуемого деяния.

Научная новизна: обоснована позиция автора в отношении виктимологической оценки коррупционной сделки; дается виктимологическая характеристика жертвы коррупционной сделки; проведен критический анализ основных виктимологических понятий для выявления потенциальных жертв коррупционных сделок и обеспечения их виктимологической безопасности.

Практическая значимость: высказываются идеи переориентации общественного сознания, взглядов на коррупцию как способ решения вопросов; изменения толерантного отношения к явлению коррупции, вследствие которого субъекты права становятся жертвами коррупционных сделок; корректировки политики противодействия коррупции – более внимательного отношения к проблеме защиты субъектов правоотношений от коррупционной угрозы.

Ключевые слова: коррупционное преступление; коррупционная сделка; корруптер; коррупционер; жертва коррупционной сделки; виктимное поведение; виктимизация; виктимность; виктимологическая ситуация.

Введение

В криминологии существуют различные подходы к определению коррупционного преступления: широкое (адекватное должностному, или служебному, преступлению) и узкое понимание (собственно) коррупционного преступления, т. е. совершенного на основе коррупционной сделки. Например, согласно точке зрения профессора А. И. Долговой, коррупция «характеризуется практически двусторонней сделкой – корруптера и коррупционера» [1, с. 708]. По мнению ученого, понятием коррупционного

преступления не следует охватывать широкий круг деяний, относящихся к должностным преступлениям, поскольку в этом случае они «растворяют» в своей массе подлинные (основанные на подкупе – продажности) коррупционные преступления.

Коррупционная сделка, по мнению Ю. А. Тихомирова, Е. Н. Трикоз, предстает как заведомо противоправная «сделка между должностным лицом или служащим и лицом, заинтересованным в определенном поведении указанных лиц», имеющая «обоюдно возмездный, но не обязательно материальный харак-

тер... совершение которой запрещено под угрозой юридической ответственности нормами позитивного законодательства» [2, с. 40].

Профессор Г. Н. Горшенков определяет коррупционную сделку как «соглашение между физическим лицом (корруптером), представляющим должностному лицу (коррупционеру) по собственной инициативе или в ответ на требования должностного лица определенные блага в целях разового или предполагаемого на перспективу использования должностных полномочий вопреки интересам службы в совместных корыстных интересах» [3, с. 28].

Субъектами такой сделки выступают корруптер и коррупционер (коррумпируемый субъект). Сущность сделки заключается в том, что «корруптер подкупает коррупционера, а тот за соответствующую мзду совершает угодные корруптеру действия» [1, с. 709].

В зависимости от способа реализации коррупционные сделки можно разделить на два вида: а) сделки, основанные на прямом нарушении положений нормативных правовых актов (противоправный способ); б) сделки, осуществляемые путем злоупотребления правом (непротивоправный (манипулятивный) способ). Наибольшее распространение получают, как правило, коррупционные сделки первого вида¹.

Таким образом, корруптер и коррупционер вступают в коррупционные отношения, элементами которых являются отдельные акты, действия, связанные с нарушениями уголовного запрета. Коррупционная сделка предстает как противоправное деяние в виде конкретного законодательно закрепленного правонарушения, а также является «злоупотреблением права» со стороны управомоченного субъекта. Именно коррупционная сделка (к примеру, взяточничество и коммерческий подкуп) как основной и самый мощный криминогенный (коррупциогенный) фактор должна быть основным критерием юридической оценки правонарушения должностного лица, т. е. его квалифицирующим признаком.

В том случае, когда подобные действия буквально формируют образ жизни конкретного субъекта, становятся механизмом для решения его личных проблем, налицо коррупционное поведение, т. е. определенный сложившийся образ взаимодействия субъекта с окружающей средой.

Наибольшую общественную опасность представляют не единичные сделки, а скоординированные действия коррупционеров, которые, объединяясь в сообщество, образуют коррупционные сети. Жертвами коррупционной деятельности становятся различные субъекты права.

В связи с этим в научной литературе поднимается вопрос о необходимости исследования виктимологических аспектов коррупционного поведения. В частности, профессор П. А. Кабанов обуславливает эту необходимость следующими обстоятельствами: а) постоянный рост количественных показателей коррупционного поведения, его жертв, масштабы причиненного вреда; б) недостаточность мер виктимологической реабилитации, помощи и защиты жертв коррупционного поведения [5].

Результаты исследования

Центральным понятием криминальной виктимологии является жертва преступления, причем отмечается дихотомия значений этого термина. Сторонниками узкого смысла анализируемого понятия являются такие ученые, как Д. В. Ривман, В. И. Омигов и другие, считающие жертвой преступления «физическое лицо, человека, которому непосредственно преступлением причинен физический, моральный или материальный вред» [6, с. 31].

В широком смысле понятие «жертва преступления» – это «человек или определенная общность людей в любой форме их интеграции, которым прямо или косвенно причинен вред преступлением...» [6, с. 31]. Сторонниками этой концепции, в частности, являются Л. В. Франк [7, с. 85], В. П. Коновалов [8, с. 6], Г. Ф. Хохряков [9, с. 390–391]. Следует отметить, что существуют предложения некоторых ученых о расширении анализируемого понятия путем включения в него юридических лиц (В. С. Минская, Г. И. Чечель, Л. В. Франк и др.) [6, с. 31]. Автор поддерживает последнюю точку зрения, в частности, применительно к жертвам коррупционной сделки.

По нашему мнению, виктимологическая характеристика жертвы коррупционной сделки (коррупционной деятельности) представляет собой упорядоченную совокупность свойств, характеризующих субъекта, которые при определенной виктимологической ситуации приводят к тому, что субъект становится жертвой коррупционного преступления. При этом следует учитывать тот факт, что сама виктимологическая ситуация (ее возникновение и развитие) во многом определяется поведением субъекта – будущей жертвы.

¹ Иванова А. А. Коррупция в сфере российского предпринимательства // Актуальные проблемы экономики и права. Познание. 2013. № 3 (27). С. 204–211.

Профессор К. В. Вишневецкий моделирует личность жертвы преступления и структурирует ее следующим образом.

Во-первых, он выделяет формальные, т. е. социально-демографические, признаки, к которым привычно относят пол, возраст, семейное положение, национальную и профессиональную принадлежность, материальную и жилищную обеспеченность и др.

Во-вторых, указывает на рациональные, т. е. интеллектуальные (образование, уровень знаний, умственное развитие), и нравственные признаки (ценностные ориентации и стремления, духовные потребности, социальные интересы, религиозная направленность, привычки), которые являются источником высших проявлений активности душевных свойств личности, или психики².

В-третьих, обращает внимание на эти психические процессы, свойства и состояния в личности жертвы (эмоциональная устойчивость, степень конфликтности, адекватность реагирования на внешние обстоятельства, уровень самооценки, коммуникабельность, подверженность влиянию).

В-четвертых, включает физиологические признаки жертвы (состояние здоровья).

В-пятых, обращает внимание на правовые, а именно уголовно-правовые и криминологические признаки – умышленную или неосторожную виктимность, роль в совершенном преступлении, рецидив виктимности [10].

Представляется, что применительно к жертве коррупционной сделки большую значимость приобретают свойства первой группы, в частности, профессиональная принадлежность. В настоящее время сфера государственного и муниципального управления является одной из приоритетных в плане противодействия коррупции, поскольку должности в государственной и муниципальной службе носят коррупциогенный характер. Преступника привлекает именно должностное положение лица, вследствие чего субъект приобретает повышенную виктимность, в том числе рецидивную.

По свидетельству сотрудника МВД Российской Федерации А. Рябцева, торговля должностями стала распространенным явлением, по существу, криминальным видом бизнеса. В основе его стоит значительная выгода, поскольку «чиновник, помимо уплаты

преступникам суммы, часто исчисляемой миллионами долларов, отрабатывает долг, незаконно используя свою должность» [11, с. 223].

Как пишет профессор Г. Н. Горшенков, должность государственного служащего представляет угрозу для лица, ее занимающего, ибо это лицо, «обладая такой должностью, становится потенциальной жертвой криминального подкупа» [12, с. 150]. И не удивительно, что ныне введен в официальный оборот соответствующий термин – «коррупциогенная должность». Например, в «Примерной программе противодействия коррупции в субъекте РФ на 2007–2010 гг.» одним из основных мероприятий было определено (п. 5) «формирование перечня должностей, в наибольшей степени подверженных риску коррупции (коррупциогенных должностей)»³.

И тем не менее внешние (ситуационные) факторы не являются сами по себе виктимогенными. В таковые их превращают люди в силу, прежде всего, тех своих качеств, которые профессор К. В. Вишневецкий определяет как интеллектуальные и нравственные. Что касается нравственных, или моральных, качеств в системе виктимогенной детерминации коррупционного преступления, то они не поддаются строгой систематизации ввиду объективного отсутствия единства в определении их статуса. В каждой личности, социальной группе, обществе (обществах) складывается система моральных запретов и разрешений. Это подтверждают научные исследования, показывающие отсутствие единых моральных норм в российском обществе.

Следует отметить, что сложившаяся ситуация носит долгосрочный характер. Еще в конце 90-х гг. XX в. в Послании Президента РФ Федеральному Собранию отмечалось, что существуют «... стереотипы двойной морали: люди охотно поддерживают публичные обличения в коррупции, но для решения собственных проблем не гнушаются принять "правила игры", навязываемые им коррупционерами»⁴.

Анализируя нравственные признаки жертв, следует отметить толерантное отношение граждан к коррупции как явлению, вследствие которого они зачастую сами становятся жертвами коррупцион-

² Краткий психологический словарь / сост. Л. А. Карпенко; под общ. ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. М.: Политиздат, 1985. С. 265–266.

³ Примерная программа противодействия коррупции в субъекте РФ на 2007–2010 гг. // Лоббист. 2007. № 6. С. 26–35.

⁴ Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 17.02.1998 «Общими силами – к подъему России (О положении в стране и основных направлениях политики Российской Федерации)» // Российская газета. 1998. 24 февраля.

ных сделок. Г. М. Аглямова справедливо отмечает, что противоправное поведение должностных лиц у граждан ассоциируется с государственной несправедливостью, формирует ощущение незащитности, убеждение в том, что в России существует обстановка криминального беспредела [13, с. 77–78]. В 2014 г. 44 % взяточников составили государственные или муниципальные служащие [14].

В сознании граждан возникает некая обреченность, т. е. они становятся толерантны по отношению к этому явлению и нередко сами становятся участниками «низовой» коррупции (подкуп должностного лица или представителя коммерческой организации). Согласно статистике судебного департамента, за последние пять лет количество осужденных за дачу взятки было на порядок больше, чем осужденных за ее получение, и постоянно росло. В 2013 г. это соотношение уже стало один к двум: за получение взяток тогда были осуждены 1 554 человека, за дачу взяток суды приговорили 3 199 человек. Небольшое снижение количества таких дел было в 2011 г. – всего 2 858 человек. После этого число осужденных по ст. 291 Уголовного кодекса РФ снова росло. Налицо инверсионное преступление (в данном случае коррупционная сделка) [14].

Правоведы А. А. Глухова, С. В. Изосимов отмечают единодушное мнение виктимологов в том, что «жертва преступления становится таковой не только в силу «злого умысла» со стороны преступника, но и в силу существования определенных качеств, связанных либо с личностью жертвы, ее поведением, либо с самой ситуацией совершения преступления» [6, с. 33]. Единодушные в этом утверждении обусловлены теми закономерностями, которые хорошо изложены в криминологических концепциях механизма, или детерминации индивидуального преступления и личности преступника.

На данных основополагающих идеях может быть рассмотрена и проблема причинности виктимного поведения в ситуации коррупционного преступления. В данном случае причинность виктимного поведения представляется нами как процесс виктимизации, или приобретения и проявления поведенческого качества виктимности и продуцирующих ее факторов. При этом следует подчеркнуть, что «проявление виктимности» есть не что иное, как претерпевание вреда от коррупционного преступления.

Данная криминологическая категория, в частности, рассматривается Г. М. Аглямовой. В проведенном ею анализе виктимизации ученый выделяет два аспекта: 1) процесс или совокупность процессов превращения конкретного лица или определенной общности людей

в жертву преступления (в нашем контексте – коррупционной сделки); 2) процесс превращения потенциальной жертвы в реальную и его конечный результат или социально значимые последствия [13, с. 74].

В научной литературе понятие «виктимизация» тесно связано с многозначным термином «виктимность», который профессор Г. Н. Горшенков определяет в одном случае как способность лица стать при определенных обстоятельствах жертвой причиняющего вред воздействия или неспособность избежать опасности там, где оно объективно было предотвратимо; в другом – как массовое сложное социально-психологическое явление, выраженное в количестве жертв, обычно порождающее серьезную социальную проблему [12].

В качестве примера рассмотрим такую ситуацию: гражданин обратился к участковому полиции с заявлением на выдачу разрешения на хранение оружия. Для скорейшего положительного решения вопроса участковый отправил заявителя в ближайший магазин, продиктовав перечень продуктов. При этом у сотрудника полиции не возникло и тени сомнения, что заявитель может отказаться. Следовательно, это обычная практика. На вопрос заявителя «А если я откажусь?» участковый ответил: «Оставляйте заявление на проверку, готовьте сейф, приду – проверю, решение будет принято в установленный законом срок, не раньше». По словам гражданина, он понял, что ему чинят препятствия, и «первый раз в жизни дал взятку» для сокращения срока ожидания необходимого разрешения и получения такового без проблем. Анализ ситуации показывает, что объективно можно было избежать дачи взятки. Но в таком случае неизбежно пришлось бы устанавливать дома сейф, ожидать участкового с проверкой, возможно, исправлять (причем неоднократно) заявление, долго ожидать выдачи разрешения, да и итог неизвестен. В сложившейся ситуации гражданин оказался жертвой коррупционной сделки. В условиях массового проявления подобного деяния следует говорить о жертве бытовой коррупции, или явлении массовой виктимности. Подобным образом массово решается целый спектр проблем: устройство ребенка в детский сад, получение необходимых документов, лечение в больнице, непринятие мер к допущенным нарушениям и т. д.

По данным председателя Верховного Суда РФ С. Лебедева, за 2014 г. на 13 % увеличилось число осужденных за получение взятки – с 1,5 до 1,7 тысячи человек. И на четверть (25 %) возросло количество приговоренных за дачу взятки: с 3 199 до 4 080 человек [14].

Выводы

Исследования подтверждают, что, независимо от усилий по противодействию коррупции, коррупционная сделка продолжает служить средством решения социальных проблем в масштабах всего общества.

В научной литературе, кроме индивидуальной и массовой виктимности (в соответствии с критериями частного, особенного и общего), выделяют такие виды виктимности (в соответствии с критерием степени), как нулевая (точнее сказать, низшая, или незначительная до нулевой), средняя и повышенная [13]. В литературе утверждается, что так называемой нулевой виктимностью обладают, к примеру, должностные лица, принципиально не участвующие в коррупционных сделках; субъекты, решающие свои проблемы исключительно законными способами. Но тем не менее подобные субъекты находятся под угрозой коррупционного соблазна или шантажа.

Данная категория виктимности представляется нам продуктом умозрительной деятельности, т. е. основываемся на предполагаемых событиях, но не на опыте. В нашем представлении так называемая нулевая виктимность – это отсутствие виктимности вообще. В противном случае, например, всех госслужащих следует считать с присущим им качеством виктимности. Речь должна идти не о степени виктимности, а о степени возможности виктимизации, например, незначительной, средней, высокой и т. п. Но и в этом случае не следует использовать термин «нулевая».

Для так называемой средней виктимности характерно случайное или необходимое стечение обстоятельств, способствующих виктимизации будущей жертвы (рассмотренный пример). Повышенной виктимностью обладают субъекты, сознательно содействующие собственной виктимизации, активно сотрудничающие с преступником, осуществляющие «встречный поиск», сами способные при соответствующих обстоятельствах совершить преступное посягательство (взятодатели, активно ищущие будущую жертву, привыкшие решать свои проблемы с нарушением уголовного запрета).

В специальной литературе выделяют личностную, ролевую и ситуативную виктимность [13]. Л. В. Франк рассматривает личностную виктимность как субъективно обусловленное психическое качество человека [13]. Наличие тех или иных черт личности еще не означает, что потенциальная жертва неизбежно превратится в реальную. Для того чтобы лицо стало жертвой, необходимо воздействие системы криминогенных (виктимогенных) факторов.

Ролевая виктимность применительно к коррупционным сделкам в сфере государственной власти и местного самоуправления предстает как профессиональная угроза лица, не зависящая от свойств его личности. В ролевой виктимности сочетаются особые свойства личности и ролевая функция, обусловленная должностным фактором, должностными обязанностями, положением, при доминировании последней.

Говоря о ситуативной виктимности, имеют в виду такие условия среды, которые стимулируют виктимизацию личности.

Виктимологическая ситуация играет немаловажную роль в механизме виктимологической детерминации, которая, по мнению профессора К. В. Вишневецкого, включает в себя свойства взаимодействия преступника, жертвы и социальной среды, а также особенности субъективного отражения объективной действительности в сознании преступника и жертвы. Социальное поведение индивида формируется в неотрывной связи с социальной действительностью, и в зависимости от сложившейся в определенный момент жизненной ситуации линия поведения может носить как виктимогенный, так и антивиктимогенный характер [15, с. 156–157].

Анализируя механизмы коррупционной сделки, профессор А. И. Долгова выделяет следующие ее виды:

1) обоюдovouгодную двустороннюю сделку (когда обе стороны получают выгоду, среди участников сделки жертв нет. Возможно, жертва неперсонифицирована – третье лицо, претендующее на получение благ, льгот и т. д., являющихся предметом сделки, но не получившее их. – *Прим. авт.*);

2) вымогательство служащим взятки (взяточничество, жертва – любой субъект права. – *Прим. авт.*);

3) инициативный, активный подкуп служащих (мздоимство, жертва – служащий. – *Прим. авт.*) [1, с. 709].

Профессор К. В. Вишневецкий, анализируя виктимологический механизм коррупции, говорит о двусторонней сделке, во время которой «покупатель» получает возможность использовать государственную структуру в своих целях, а чиновник «продает» свои служебные полномочия, услуги гражданам или представителям частного бизнеса [16, с. 98].

Далее ученый обращает внимание на то, что «чиновники в нашей стране "продаются" за регулярно получаемое вознаграждение, "заработную плату", не зная, какое задание и когда придется выполнять (такие случаи характерны для организованной пре-

ступности, лидеры которой "заручаются поддержкой" представителей власти, управления и правоохранительных органов). Вместе с тем успешно существует и "исконная" форма коррупции – эпизодические поборы должностных лиц за выполнение конкретных "услуг" в пользу заинтересованных в них граждан» [16, с. 98]. Отсюда следует сложность установления жертв коррупционной сделки, которыми могут быть:

- граждане и представители частного бизнеса (полагаем, что в целом представители предпринимательства), нуждающиеся в «услугах» должностных лиц (добавим, лиц, выполняющих управленческие функции в коммерческих и иных организациях);
- общество и государство;
- сами чиновники, вовлеченные в коррупционные связи [16, с. 98].

Кроме того, данный вопрос осложняется латентностью коррупционных сделок. Например, в 2014 г. более 4 000 человек признаны виновными в даче взятки [14]. 1 700 человек осуждены за получение взятки. На 25 % выросло число осужденных взяткодателей по сравнению с 2013 г. На 13 % выросло за год число осужденных мздоимцев [14].

Не вызывает сомнения тот факт, что приведенные данные не отражают реальной действительности по нескольким причинам, среди которых выделяются: латентность и зачастую отсутствие персонализации жертв коррупционной сделки, которая представляет собой не только противоправное деяние в виде конкретного законодательно закрепленного правонарушения, но является также «злоупотреблением права» со стороны управомоченного субъекта; может наносить имущественный или неимущественный вред Российской Федерации, субъекту Российской Федерации, муниципальному образованию, иным субъектам права. Обратим внимание на опасность распространения массовой виктимности коррупционными сетями, когда жертвой буквально становится общество.

Несмотря на сложность выявления потенциальных жертв коррупционных сделок (физического или юридического лица, социальной группы, социальной сферы, государственного органа и т. п.), их виктимологическая безопасность должна стать одной из целей современной антикоррупционной политики.

Список литературы

1. Долгова А. И. Коррупционная преступность // Криминология: учебник для вузов / под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. А. И. Долговой. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2005. 912 с.

2. Тихомиров Ю. А., Трикоз Е. Н. Право против коррупции // Журнал российского права. 2007. № 5. С. 39–52.

3. Горшенков Г. Н. «Противодействие» и «коррупция» как научно не проработанные понятия // Противодействие коррупции на федеральном, региональном и муниципальном уровнях: материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 112-летию Юридического института Томского государственного университета и необходимости разработки программы противодействия коррупции на муниципальном уровне. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2010. С. 25–29.

4. Кабанов П. А. Виктимология коррупции: понятие, предмет, структура // Право и практика. 2010. № 7. С. 107–111.

5. Глухова А. А., Изосимов С. В. Виктимологические факторы преступности: история, современность и перспективы предупредительного воздействия: учеб. пособие. Н. Новгород: Изд-во Волго-Вятской академии гос. службы, 2010. 157 с.

6. Франк Л. В. Потерпевшие от преступления и проблемы советской виктимологии. Душанбе, 1977. 237 с.

7. Коновалов В. П. Изучение потерпевших с целью совершенствования профилактики правонарушений. М., 1982. 72 с.

8. Хохряков Г. Ф. Криминология: учебник / отв. ред. В. Н. Кудрявцев. М.: Юрист, 1999. 512 с.

9. Вишневецкий К. В. Структура виктимологической характеристики жертвы // Теория и практика общественного развития. 2013. № 9. URL: teoria-practica.ru/vipusk-9-2013/ (дата обращения: 07.08.2015).

10. Гилинский Я., Гольберт В. Институциональные эффекты девиантности и социального контроля // Российский криминологический взгляд. 2009. № 1. С. 218–233.

11. Горшенков Г. Н. Виктимологическая составляющая в детерминации коррупционного поведения // Актуальные проблемы криминологического исследования региональной преступности: материалы II Междунар. науч.-практ. конф. Баку, 2015. С. 144–151.

12. Аглямова Г. М. Виктимологические аспекты предупреждения коррупционной преступности в сфере местного самоуправления // Экономика и право. Вестник Удмуртского университета. 2012. Вып. 4. С. 74–82.

13. Михайлова А. Показательная борьба: почему в 2014 г. выросло число осужденных за взятки. URL: <http://top.rbc.ru/politics/10/02/2015/54da0f159a7947e552a015f8> (дата обращения: 07.08.2015).

14. Вишневецкий К. В. Механизм виктимологической детерминации // Теория и практика общественного развития. 2014. № 10. С. 154–157.

15. Вишневецкий К. В. Виктимологический механизм коррупции // Теория и практика общественного развития. 2014. № 14. С. 98–99.

В редакцию материал поступил 27.08.15

© Иванова А. А., 2015. Впервые опубликовано в журнале «Актуальные проблемы экономики и права» (<http://apel.ieml.ru>), 15.11.2015; лицензия Татарского образовательного центра «Таглитат». Статья находится в открытом доступе и распространяется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution License (<http://creativecommons.org/licenses/by/2.0/>), позволяющей неограниченно использовать, распространять и воспроизводить материал на любом носителе при условии, что оригинальная работа, впервые опубликованная в журнале «Актуальные проблемы экономики и права», процитирована с соблюдением правил цитирования. При цитировании должна быть включена полная библиографическая информация, ссылка на первоначальную публикацию на <http://apel.ieml.ru>, а также информация об авторском праве и лицензии.

Информация об авторе

Иванова Анна Александровна, кандидат юридических наук, доцент факультета права, Национальный исследовательский университет – Высшая школа экономики (г. Нижний Новгород)

Адрес: 603155, г. Нижний Новгород, ул. Б. Печерская, 25/12, тел.: (8312) 278-09-25

E-mail: ivanova-anna2004@yandex.ru

Как цитировать статью: Иванова А. А. Виктимологический аспект коррупционной сделки // Актуальные проблемы экономики и права. 2015. № 4. С. 253–260.

A. A. IVANOVA,

PhD (Law), Associate Professor

National Research University – Higher School of Economics, Nizhniy Novgorod, Russia

VICTIMOLOGICAL ASPECT OF A CORRUPTION DEAL

Objective: to present the author's concept of the victimological aspect of corruption crime.

Methods: dialectical method of cognition, mainly the systemic approach (analysis).

Results: the article discusses the concept of corruption deal as an unlawful act, statutory offence (bribery and subornation), law abuse by the authorized entity. The illegal (most common), and manipulative types of corruption deals and their mechanisms are defined, as well as the ways of their implementation, which include mutually beneficial, bilateral trade, extortion and initiative, active bribery. The diverse negative effects of corruption on the legal relationships are proved. The danger of the crime deal is shown as the factor of corrupt behavior, and active means of formation of corruption networks, which increases victimogeneity of corruption acts, doing harm not only to physical but also legal entities. In accordance with this, the point of view supported and proved that it is necessary to expand the notion of victim of corruption offences to legal persons. The conclusion is made about the feasibility of a legal assessment of corruption deals as a qualifying feature of a criminal offense.

Scientific novelty: the article justifies the author's position in relation to an assessment of corruption victimization of the deal; victimological characteristic of a corrupt deals victim are given; critical analysis of basic victimological concepts is made to identify the potential corrupt deals victims and ensure victim safety.

Practical significance: the idea is expressed of reorienting public consciousness, views on corruption as a way of solving problems; of changing tolerance to corruption, due to which the legal subjects become victims of corrupt deals; of amending the anti-corruption policies towards more careful attention to the protection of the legal relations subjects against the corruption threat.

Key words: corruption crime; corrupt deal; corrupter; victim of the corruption deal; victim behavior; victimization; victimity; victimization situation.

References

1. Dolgova, A. I. Korruptsionnaya prestupnost' (Corruption crime) // *Kriminologiya: uchebnik dlya vuzov / pod obshch. red. d-ra yurid. nauk, prof. A. I. Dolgovoi*. 3-e izd., pererab. i dop. M.: Norma, 2005, 912 p.
2. Tikhomirov, Yu. A., Trikoz, E. N. *Pravo protiv korruptsii* (Law against corruption) // *Zhurnal Rossiiskogo prava*, 2007, no. 5. pp. 39–52.
3. Gorshenkov, G. N. «Protivodeistvie» i «korruptsiya» kak nauchno ne prarabotannye ponyatiya (“Counteraction” and corruption as scientifically under-developed notions) // *Protivodeistvie korruptsii na federal'nom, regional'nom i munitsipal'nom urovnyakh: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., posvyashchennoi 112-letiyu Yuridicheskogo instituta Tomskogo gosudarstvennogo universiteta i neobkhodimosti razrabotki programmy protivodeistviya korruptsii na munitsipal'nom urovne*. Tomsk: Izd-vo Tomskogo un-ta, 2010, pp. 25–29.
4. Kabanov, P. A. Viktimologiya korruptsii: ponyatie, predmet, struktura (Victimology of corruption: notion, object, structure) // *Pravo i praktika*, 2010, no. 7, pp. 107–111.
5. Glukhova, A. A., Izosimov, S. V. *Viktimologicheskie faktory prestupnosti: istoriya, sovremennost' i perspektivy predupreditel'nogo vozdeistviya* (Victimological factors of crime: history, modern state and prospects of prevention): ucheb. posobie. N. Novgorod: Izd-vo Volgo-Vyatskoi akademii gos. sluzhby, 2010, 157 p.

6. Frank, L. V. *Poterpevshie ot prestupleniya i problemy sovetskoj viktimologii* (Victims of crime and problems of the Soviet victimology). Dushanbe, 1977. 237 p.
7. Konovalov, V. P. *Izuchenie poterpevshikh s tsel'yu sovershenstvovaniya profilaktiki pravonarushenii* (Investigating victims to improve the crime prevention). M., 1982, 72 p.
8. Khokhryakov, G. F. *Kriminologiya* (Criminology): uchebnik / otv. red. V. N. Kudryavtsev. M.: Yurist", 1999, 512 p.
9. Vishnevetskii, K. V. *Struktura viktimologicheskoi kharakteristiki zhertvy* (Structure of victimological characteristics of a victim) // *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, 2013, no. 9, available at: teoria-practica.ru/vipusk-9-2013/ (access date: 07.08.2015).
10. Gilinskii, Ya., Gol'bert, V. *Institutsional'nye efekty deviantnosti i sotsial'nogo kontrolya* (Institutional effects of deviation and social control) // *Rossiiskii kriminologicheskii vzglyad*, 2009, no. 1, pp. 218–233.
11. Gorshenkov, G. N. *Viktimologicheskaya sostavlyayushchaya v determinatsii korruptsionnogo povedeniya* (Victimological component in determining corrupt behavior) // *Aktual'nye problemy kriminologicheskogo issledovaniya regional'noi prestupnosti: materialy II Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Baku*, 2015, pp. 144–151.
12. Aglyamova, G. M. *Viktimologicheskie aspekty preduprezhdeniya korruptsionnoi prestupnosti v sfere mestnogo samoupravleniya* (Victimological aspects of corrupt crime prevention in the sphere of local self-government) // *Ekonomika i pravo. Vestnik Udmurtskogo universiteta*, 2012, vol. 4, pp. 74–82.
13. Mikhailova, A. *Pokazatel'naya bor'ba: pochemu v 2014 g. vyroslo chislo osuzhdennykh za vzyatki* (Demonstrative struggle: why in 2014 the number of convicted for bribes increased), available at: <http://top.rbc.ru/politics/10/02/2015/54da0f159a7947e552a015f8> (access date: 07.08.2015).
14. Vishnevetskii, K. V. *Mekhanizm viktimologicheskoi determinatsii* (Mechanism of victimological determination) // *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, 2014, no. 10, pp. 154–157.
15. Vishnevetskii, K. V. *Viktimologicheskii mekhanizm korruptsii* (Victimological mechanism of corruption) // *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, 2014, no. 14, pp. 98–99.

Received 27.08.15

Information about the author

Ivanova Anna Aleksandrovna, PhD (Law), Associate Professor of the Law Faculty, National Research University – Higher School of Economics, (Nizhniy Novgorod)
Address: 25/12 Bolshaya Pecherskaya Str., 603155? Nizhniy Novgorod, tel.: (8312) 278-09-25
E-mail: ivanova-anna2004@yandex.ru

For citation: Ivanova A. A. Victimological aspect of a corruption deal // *Actual Problems of Economics and Law*, 2015, no. 4, pp. 253–260.

© Ivanova A. A., 2015. Originally published in *Actual Problems of Economics and Law* (<http://apel.ieml.ru>), 15.11.2015; Licensee Tatar Educational Centre «Taglimat». This is an open-access article distributed under the terms of the Creative Commons Attribution License (<http://creativecommons.org/licenses/by/2.0/>), which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work, first published in *Actual Problems of Economics and Law*, is properly cited. The complete bibliographic information, a link to the original publication on <http://apel.ieml.ru>, as well as this copyright and license information must be included.